

БУДДА

его жизнь и учение

МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

Р. ПИШЕЛЬ

Рихард Пишель

Будда: его жизнь и учение

«Неоглори»

Пишель Р.

Будда: его жизнь и учение / Р. Пишель — «Неоглори»,

Всемирно известная книга французского ученого и талантливого писателя Р. Писеля посвящена жизнеописанию Будды. В доступной массовому читателю форме автор раскрывает истоки мудрости одного из титанов человеческого духа, знакомит с кругом его последователей, изображает исторические условия, в которых создавалось одно из самых распространенных Учений. Для широкого круга читателей.

© Пишель Р.

© Неоглори

Содержание

Предисловие автора	5
От редакции перевода	6
I. ВВЕДЕНИЕ	8
II. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ИНДИЯ ВО ВРЕМЕНА БУДДЫ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Рихард Пишель

Будда. Его жизнь и учение

Предисловие автора

Не без колебаний решился я последовать предложению г-на издателя написать для издаваемой им серии «Из мира природы и духа» томик о «Жизни и учении Будды». Ведь в сочинениях о буддизме, предназначенных для широкой публики, недостатка не имеется. Но все они, даже написанная высоким стилем книга Ольденберга, страдают, по моему мнению тем, что недостаточно резко выделяют характер буддизма как религии и придают слишком малое значение говорящему из него индийскому духу. Чем более мы подвигаемся в исследовании Центральной Азии, тем более выясняется, что для значительной части Востока буддизм был в не меньшей степени проводником культуры, чем христианство для Запада. Но если ценность буддизма как религии в наших глазах все возрастает, то его значение как философии все более и более падает. Вместе с Гарбе и Якоби я пришел к убеждению, что Будда как философ находится в полной зависимости от его предшественников на почве Индии, от Капилы и Пата-нджали. В этом смысле я и сделал попытку, в противоположность Ольденбергу, расчленив учение Будды, выделить внесенное им оригинальное от заимствованного. При этом пришлось прибегнуть к большему числу технических выражений, чем это было бы желательно в интересах читателя. Но избежать этого оказалось невозможными. Технический, формальный язык буддийских писаний еще более сложен для понимания, так как мы располагаем пока совершенно ничтожной частью литературы с комментариями к ним. Между исследователями еще не достигнуто соглашение в передаче многих важных понятий.

Кроме того, с тех пор, как в Китайском Туркестане найдены фрагменты считавшегося утраченным санскритского канона, предание северных буддистов стало выступать в новом освещении. Теперь его уже нельзя игнорировать при изложении учения Будды.

Размеры предлагаемой книжки определились характером серии. Поэтому я вынужден был приложить старания к возможному сокращению IV и, особенно, V главы, вообще к большей сжатости изложения и должен был многое пропустить и даже исключить из написанного. Существенное, однако, мне думается, осталось. Невозможно было избежать, чтобы в число избранных мною примеров не вошли многие, имеющиеся уже у моих предшественников. Но все переводы текстов я проверил по оригиналам на языках пали, санскрите и диалекте гатха, и многие из них исправил и передал иначе. Поэтому и для специалистов эта книжка, несмотря на ее скромные размеры, может представить кое-что новое.

Р. Пишель

От редакции перевода

Из трех мировых, или международных, религий – буддизма, христианства, и ислама – буддизм – древнейшая и имеет наибольшее число последователей. Уже поэтому личность его основателя и сущность его учения способны вызывать к себе интерес не только в среде специалистов, занимающихся изучением Индии или религий Востока, но и в более широких кругах образованной публики.

И действительно, в литературах Запада мы имеем довольно много популярных сочинений о Будде и буддизме. Некоторые из них изданы и в русском переводе, но отчасти они уже устарели, не соответствуют современному уровню знаний о предмете, отчасти же, как и некоторые русские популярные очерки буддизма, представляют только компиляции, составленные неспециалистами по немногим более доступным монографиям.

В виду этого, издание в русском переводе предлагаемой книжки Пишеля, мне думается, не будет лишним. Профессор Р. Пишель, к сожалению недавно умерший, пользовался известностью как знаток языков и религий Индии. Получив предложение написать книжку о жизни и учении Будды для серии «Из мира природы и духа», он отнесся к этой задаче серьезно, проверил переводы многих текстов буддийского канона, воспользовался новыми открытиями в этой области и всей имеющейся литературой о предмете и, несмотря на ограниченные размеры книжки, старался дать в ней обстоятельное понятие как о жизни Будды, так и об его учении (философии и этике), а также о последующих судьбах буддизма, о новейших попытках его очищения и пропаганды и о главнейшей литературе по буддизму. Как заявляет он сам в предисловии, его главной задачей было выставить возможно рельефнее религиозный характер буддизма как учения, возникшего на почве Индии, на основе индийского духа, индийских верований и индийской философии.

Недостаток места не позволил ему вдаваться в разные подробности, как например, в изложение многочисленных легенд о Будде, в историю греко-буддийского искусства и т. д. Стараясь дать более правильное понятие о древнем буддизме, он характеризует только в общих чертах последующие стадии его развития, не сообщает, например, почти ничего о современном положении его главнейших ветвей, южного и северного буддизма. В особенности, недостаточны сообщаемые им сведения о ламаизме (буддизм в Тибете и Монголии), но в небольшой книжке невозможно было охватить всю обширную область буддизма; к тому же предметом изложения Пишеля был сам Будда и его учение, а не последующие стадии развития и искажения возникшей первоначально на почве Индии религии. Несмотря на популяризационную цель книжки, профессор Пишель строго проводит в ней правописание индийских имен, применяя установленный для этого правила пользования буквами латинского алфавита и дополнительными к ним значками; кроме того, он всюду отмечает в индийских словах долгие и короткие слоги. Воспроизвести подобное правописание полностью в русской передаче оказалось невозможным, но, с другой стороны, и совершенно игнорировать его представлялось тоже нерациональным. Конечно, для незнакомого с фонетикой санскрита и других языков Индии все эти способы передачи чуждых звуков не могут гарантировать вполне правильного их произношения, которое и не особенно важно в данном случае. Известно, например, что и большинство библейских имен произносится нами несоответственно их действительному произношению на древнееврейском, сирийском (арамейском) и греческом языках. С другой стороны, однако, отчего и не последовать компетентному указанию правильного написания и произнесения известных имен и терминов и не постараться воспроизвести их по мере возможности в русском изложении, в особенности таких слов, правописание которых у нас еще не установилось. Иное дело – по отношению к именам, получившим уже более широкое право гражданства в русской литературе как, например, «Будда», «буддизм», «буддисты», хотя, может быть, их правильное было

бы и писать «Буддха», «буддхизм», «буддхисты». Но по отношению к другим именам и терминам указанное Пишелем правописание по возможности воспроизведено в предлагаемом переводе, насколько то позволял русский алфавит. Переводчик стремился всюду к точной передаче оригинала, исключив только некоторые синонимы имен, например, на языке пали и других, как излишние для среднего русского читателя. Кроме того, редакцией перевода сделано, отчасти в виде построчных примечаний, отчасти в конце книжки, несколько добавлений, дающих дополнительные сведения, а также приложено несколько рисунков, дающих понятие о типах Будды и Бодисатв, буддийских легендах, ирано- и греко-буддийском искусстве, ламаистском культе и т. п. Все эти прибавления не имеют никаких претензий на полноту и сделаны только для несколько большего развития и пояснения сведений, сообщаемых Пишелем.

I. ВВЕДЕНИЕ

С последней четверти прошлого столетия всем образованным людям стало знакомо одно имя, бывшее ранее почти неизвестным за пределами тесного круга санскритологов и исследователей религий, – имя человека, которого мы привыкли называть по его церковному имени Будда (Буддха). Когда после долгого упорства Будда уступил настойчивым просьбам своей тетки и мачехи Махапраджапати и принял в свой орден женщин, он предсказал, что его учение, которое иначе просуществовало бы тысячу лет, теперь устоит только пятьсот лет. Будда оказался плохим пророком, его предсказание не сбылось. Напротив, религиозное движение, возникшее на востоке Индии за полтысячи лет до Христа, пробуждается во втором тысячелетии по Р. Хр. к новой жизни, словно Будда открывает новое триумфальное шествие, на этот раз не только по восточному, но и по западному миру.

Начиная по меньшей мере с VII века по Р. Хр., буддизм в Индии стал непрерывно падать и наконец совершенно исчез в своем отечестве.

Он сохранился только на Цейлоне, в Индокитае, в Японии, Тибете и в соседних ему странах, отчасти также в Китае и Индийском архипелаге. Теперь проявляется сильное движение в пользу введения буддизма снова на его древнюю родину. В 1891 г. в Коломбо на Цейлоне было основано «Общество Махабодхи» (Mahabodhi Society) с целью распространения буддизма. Оно обратило свое внимание прежде всего на Индию. Буддисты ведут поприще своего учителя с того дня, когда он под смоковницей в Гае, в восточной Индии, достиг «просветления» – бодхи – или «великого просветления» – махабодхи. Там, в Гае, был воздвигнут храм, к которому еще в VII столетии нашей эры благочестивые буддисты ходили на поклонение, даже из Китая. В XIV столетии он был razорен магометанами и стоял запустелым, пока в прошлом веке во владение им не вступил один индус. В 1874 г. бирманский король начал восстановление этого храма, так как находились еще благочестивые буддисты, особенно из Бирмы, продолжавшие совершать туда паломничества. После смерти короля реставрацию храма приняло на себя английское правительство, а общество Махабодхи добилось путем судебного процесса права устраивать к храму религиозные шествия. Оно построило там дом для пилигримов, перенесло свое главное местопребывание в Калькутту, стало издавать ежемесячный журнал на английском языке и основало филиальные общества в северной и южной Индии, в Бирме и Чикаго. И в Англии оно имеет своих представителей.

Независимо от него, в 1903 году образовалось другое Общество в Рангуне, в Бирме, называющее себя Буддхаса-сана Самагама «Общество учения Будды» или «Международное Буддийское Общество» (International Buddhist Society). Цель его – широкое ознакомление с учением Будды и содействие изучению языка пали, на котором написан канон южных буддистов. Во главе Общества стоит перешедший в буддизм шотландец, оно имеет членов и представителей также в Англии, в Германии и Америке и издает иллюстрированный журнал «Buddhism». Общество планирует основать в Рангуне буддийскую библиотеку и миссионерскую школу, откуда после десятилетнего обучения будут рассылаться миссионеры во все части света.

На Цейлоне, в центре южного буддизма, при помощи американских капиталов возникли школы для мальчиков и девочек и семинарии для буддийского духовенства. Туземные ученые следят внимательно за успехами наук и идут рука об руку с европейскими учеными, оказывая им свое содействие. Издаваемый на английском языке журнал «The Buddhist» стремится оказывать влияние на более широкие круги читателей и за пределами Цейлона, а издаваемая на английском языке газета – на туземное население.

В Сиаме, по случаю юбилея царствования умершего недавно короля, по его инициативе вышло в свет издание священных книг южных буддистов в 39 томах, за которыми последует издание комментариев к ним.

Оживленную деятельность проявляют также буддисты в Японии. Там идет движение в пользу замены синтоизма, устаревшей туземной религии с ее солнечной богиней Аматарасу во главе, государственной религией, желающей слить буддизм с конфуцианством. Японские ученые изучили в Европе санскрит и пали, и мы обязаны им значительными успехами в нашем познании буддизма; они обработали китайские переводы северно-буддийских писаний, перевели с китайского важные описания буддийских путешествий и произвели научные исследования в отдельных областях буддийского учения. В Японии издается превосходно редактируемый и роскошно иллюстрированный журнал, ранее носивший название «Hansel Zasshi» (Размышление), теперь – «The Orient» (Восток). Японская буддийская миссия основалась в Сан-Франциско и издает там журнал «The Light of Dharma» (Свет Закона), очень читаемый в Америке.

Так повсюду в буддийских странах мы видим мощную пропаганду, и буддизм постепенно становится силой, в которой некоторые круги усматривают даже опасность для христианства. Между христианством и буддизмом часто проводились сравнения. Нельзя отрицать, что оба учения, уже по своим чисто внешним признакам имеют много общих черт. Как христианство на западе, так буддизм на востоке являются самыми мощными религиями. Оба не ограничались только странами, в которых они возникли; их проповедники разошлись далеко за пределы их родины и разнесли образованность и нравственную культуру к таким народам, которые ранее не были в них вовлечены. Победоносное шествие обеих религий не было пропитано кровью, как в случае с исламом, этой карикатурой на религию. Христианство и буддизм учат тому, что высшая добродетель есть любовь. И еще вернее, чем христиане, последовали буддисты учению своего основателя. Буддизм не знает преследований еретиков, процессов ведьм, крестовых походов. Тихо и мирно шел он своим путем и, не применяя силы, стал одной из величайших религий, известных миру.

Христианство и буддизм представляют собою религии спасения. Цель их одинакова, как ни различны пути к ней. Нигде буддизм, при встрече с другими религиями, не отвечал злом на зло, хотя всюду встречал ненависть к себе. Одна древняя христианская формула отречения гласит: «Проклинаю Зарадеса, Бодду и Скитиана, предшественников манихеев». Зарадес – это Зороастр, Бодда – Будда. Вселенский миссионер Спенс Харди, которому мы обязаны весьма ценными сочинениями по буддизму, отделяется от несомненных сходств между христианством и буддизмом таким замечанием: жизнь Будды – миф, его учение – масса заблуждений, его кодекс морали не полон, его религия опирается на положения, лишённые основы. Еще резче выражается иезуит Дальман. Он утверждает, что основная мысль буддизма сводится к глубокой религиозной и социальной безнравственности. Но верно как раз противоположное. Ненависть Дельмана к буддизму объясняется тем, что он видит в нем протестантизм Индии, что совершенно неправильно.

За исключением таких отдельных отзывов, все христианские миссионеры, приходившие в соприкосновение с буддизмом, сходятся в том, что этика буддизма занимает место непосредственно за этикой христианства. Как Христос, Будда отринул всякое внешнее благочестие и поставил во главе своего учения нравственную работу над самим собой и любовь к ближнему. Его заповеди и наставления, если не обращать внимания на специфически индийские и применимые только к Индии, в сущности те же, что и у Христа. Оба основателя религий обращаются не к отдельным классам, а к широкой массе страждущих и обремененных. Всякое осуждение буддизма с односторонне христианской точки зрения должно быть неизбежно неправильными. Как о всякой другой религии, о нем надо судить по народу, в среде которого он возник, и по условиям времени, при которых он появился. До последнего времени несчастье буддизма состояло в том, что им занимались преимущественно профаны, мерявшие его фальшивым масштабом, потому что им не были известны условия, его вызвавшие. С тех пор как Шопенгауер с честным удивлением сознался, что его учение во многом сходится с буддизмом и

что из всех земных религий он склонен признавать преимущество за последним, буддизм стал входить все более и более в моду. Одни пытались прославить за его счет христианство, другие, наоборот, унижить перед ним учение Христа; нет в Европе недостатка и в людях, видящих в буддизме религию будущего. Они забывают, что буддизм, перенесенный в Европу, перестает быть буддизмом. Атеизм и пессимизм – вот клички, которыми хотят его характеризовать. Во времена Шопенгауера о настоящем буддизме почти ничего еще не знали.

В буддийской церкви противостоят одно другому два направления, который во многих отношениях можно приравнять к католицизму и протестантизму. Уже рано буддизм распался на секты. Сам Будда должен был бороться с разногласиями в своей общине, и преимущественно этим распрям следует приписать, что буддизм в Индии так скоро пришел в упадок. Отдельные секты составили свои собственные каноны священных писаний на различных языках. По преданию, сомневаться в верности которого нет оснований, уже вскоре после смерти Будды один из наиболее выдающихся его учеников Кашьяпа предложил собравшимся в Кушинагаре монахам составить канон закона (дхарма) и дисциплины (виная). Это было исполнено на соборе в Раджагрихе, древней столице царства Магадха, нынешнем Тирхуте, в восточной Индии, отечестве Будды. Эта первая редакция буддийского канона последовала, несомненно, на языке страны Магадха, на магадхи, на котором проповедовал сам Будда. Древнейший памятник этого языка представляет надпись на сосуде с реликвиями, который был найден в гробнице Будды и поставлен там семьей учителя. Выбор именно этого диалекта семьей Будды доказывает, что он был родным языком Будды. Этим объясняется также, почему буддисты считают магадхи основным языком, на котором говорили люди первого мирового века, брахманы, не слыхавшие ранее другой речи, а равно и Будды. От этого древнейшего канона-магадхи до нас дошли только названия отдельных его частей, сохранившиеся в Байратском эдикте, вырезанном в III столетии до Хр. на камне, по повелению великого буддийского царя Ашоки Приядаршина, и, кроме того, некоторые следы в единственно до сих пор сохранившемся каноне так называемых южных буддистов.

Обычно южных буддистов отличают от северных. Под южными подразумевают буддистов Цейлона и Индокитая, именно Сиама, Бирмы, Аннама, Камбоджи; под северными – буддистов в Китае, Японии, Корее, Тибете, Монголии и в странах по склонам Гималаев, особенно в Непале, Бхутане, Сиккиме. Число южных буддистов определяется в 31 миллион, северных – в 479 миллионов. Всего, таким образом, исповедуют буддизм 510 миллионов людей, которым противостоят 340 миллионов христиан. Подсчет этот, впрочем, не может быть достаточно верен, так как в отношении для Китая и Тибета не имеется точных данных.

Канон буддистов носит название Трипитака, пали – Типитака, «Тройная корзина». «Корзина» (питака) есть образное выражение для сборника. Три свода, из которых состоит южная Трипитака, называются: Винаяпитака – «Корзина дисциплины», Суттапитака – «Корзина проповедей» и Абхидхаммапитака – «Корзина метафизики», как их обыкновенно переводят. Каждый из этих трех сводов распадается снова на ряд подразделений. Язык этого канона-пали, младший брат санскрита, на котором говорили, вероятно, в западной Индии, примерно в нынешнем Гуджерате. Южные буддисты отождествляют ошибочно пали с древним магадхи и принимают, что вся Трипитака в ее нынешнем виде была установлена уже непосредственно после смерти Будды. Такое утверждение противоречит древнему преданию, по которому, как мы видели, на соборе в Раджагрихе, были установлены только закон и дисциплина. Как над Библией, так и над канонам южных буддистов, канонам-пали, работали многие века. Абхидхаммапитака, несомненно, самая поздняя часть канона. Она не включает в себе ничего существенно нового и представляет в общем только повторение содержания Суттапитаки, но еще более в схематичной форме. Само предание не оставляет сомнений в том, что в эту часть были включены книги много более позднего времени. Так, находящаяся в нем Катхаватху, опровергающая 250 ложных взглядов различных школ, была, по преданию, составлена неким Тишья

Маудгалипутра, около середины III века до Хр., при дворе Ашоки в Паталипутре и объявлена на третьем соборе. Таким образом, в эту часть канона было включено совершенно схоластически написанное сочинение всем известного писателя. Теперь твердо установлено, что канон на яз. пали есть только канон секты Вибхаджавадин, одной из школ правоверной партии буддизма. Написание его последовало лишь в I веке до Хр. на Цейлоне, при царе Ваттагамани. Может казаться, что передача текста должна была пострадать от того, что он был так поздно записан. Но этого не случилось. Индийская метода обучения была такова, что и без письменного закрепления была возможна верная передача даже огромных масс текста. Еще и теперь в Индии имеются ученые, которые знают наизусть всю Ригведу, 1028 песней, отчасти значительного объема, от начала до конца, и могут рецитировать их без малейшей ошибки. Придуманы были даже особые способы рецитирования, упражнение в коих было предметом обучения.

Упражнение памяти составляло вообще главную цель школьного образования. В проповедях, которые произносил Будда в кругу своих учеников, этот учительский прием проявлялся весьма ярко. Повторение отдельных слов при помощи синонимов и целых предложений, вариации одной и той же мысли в высшей степени утомительны и объясняются только желанием запечатлеть тверже содержание в умах слушателей. Бесконечно часто повторяются и объясняются разные технические выражения, имеющие особое значение для излагаемого учения. Тем не менее, весь канон по своему объему не больше Библии, даже меньше. В 1881 г. в Лондоне Rhys Davids, один из лучших знатоков пали и буддизма, основал Pali Text Society. В настоящее время почти все важные тексты канона пали имеются в печатных критических изданиях.

До последнего времени всеми исследователями принималось, что только пали-канон южных буддистов включает в себе верную передачу учения Будды. Уже давно было признано, что некоторые части писаний северных буддистов иногда буквально совпадают с соответствующими частями канона южных буддистов. Но так как северные писания относятся, несомненно, к более поздним временам, чем южные, то принимали, что совпадения обуславливаются заимствованиями из канона-пали. Условия в области северного буддизма были, вообще, гораздо менее благоприятными, чем у южных буддистов, – у последних мы имеем дело с одним языком пали, располагающим четырьмя алфавитами: сингалесским, бирманским, сиамским и камбоджанским. При этом является желательным, но не абсолютно необходимым, знакомство с языком сингалесским, языком Цейлона. У северных буддистов число языков и алфавитов много больше. Часть писаний имеется на санскритском языке, другая – на смешанном диалекте из санскрита и среднеиндийского, так называемом диалекте гатха (Gatha), «языке песен», названном так потому, что сначала им пользовались только для включаемых в прозаические тексты метрических вставок. Но теперь мы знаем сочинения, в которых тем же языком написана и проза. Затем имеются книги на китайском, тибетском, монгольском, японском языках, – все языки трудные, с особенными алфавитами и огромной литературой. Термин «северный буддизм» имеет, вообще, только географический смысл, да и тот только отчасти, так как к нему надо отнести и буддизм на Яве и Суматре, куда он был принесен с севера. Северный буддизм не представляет собой однородного целого. Сколько народов, столько и видов буддизма. Это объясняется тем, что буддизм всюду прививался к народным религиям, по существу своей совершенно от него отличным. Нигде буддизм не мог искоренить этих религий да и не старался. Даже на Цейлоне настоящая религия народной массы состоит в веровании в демонов.

Китайские и тибетские переводы указывают положительно, что они восходят к канону, написанному на санскрите. Мы знаем также, что школа Мула-сарвастивадин, относившая себя к сторонникам Рахулы, сына Будды, имела канон на санскритском языке. Несмотря, однако, на все поиски, в Китае не удалось найти санскритского канона. Но в 1903 г. экспедиция Берлинского Королевского Музея народоведения, действовавшая в Китайском Туркестане под руководством Грюнведела, вывезла оттуда, кроме других ценных находок, ряд фрагментов древних изданий (с печатных досок), написанных своеобразным, трудным алфавитом, который

называют обыкновенно центрально-азиатским брахми (Brahmi). Исследование этих печатных текстов, переданных проф. Пишелю, показало, что они содержат в себе довольно большие остатки санскритского канона, считавшегося утраченным и что китайский перевод представляет собою буквальное воспроизведение этого канона. Оказалось, что санскритский канон отличается более сжатым изложением, чем канон-пали, от которого он совершенно независим, как показывает уже иное его подразделение. Ядро учения Будды, однако, до подробностей совершенно одинаково в обоих изложениях, что блестяще свидетельствует в пользу верности предания. Если до сих пор «преданию пали» противопоставляли «санскритское предание» и принимали их полную противоположность, то в будущем, поскольку дело касается самого канона, утверждать этого будет нельзя. В своем позднейшем развитии южный и северный буддизм, конечно, разошлись далеко, и в общем юг может претендовать на большую простоту и архаичность. Но все более выясняется, что даже в признаваемых совершенно легендарными северно-буддийских писаниях встречаются следы древнего хорошего предания, которого мы напрасно ищем на юге. С другой стороны, «предание пали» должно рассматриваться только как предание одной секты, а не как единственно подлинное всего буддизма.

II. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ИНДИЯ ВО ВРЕМЕНА БУДДЫ

С тех пор как мы знаем Индию, она всегда распадалась на ряд более или менее значительных государств. Сравнительно редко удавалось какому-нибудь властителю подчинить своей власти большую часть Индии, как, например, Чандрагупте из фамилии Маурья в IV столетии, до Хр. или фамилии Гупта в IV столетии, по Хр. В эпоху Будды, т. е. в VI столетии, до Хр., в северо-восточной Индии существовали четыре царства, отчасти внушительных размеров и значения, и, кроме того, несколько аристократически управлявшихся республик и около дюжины небольших княжеств, из коих некоторые также назывались царствами. Из этих царей и князей многие сыграли выдающуюся роль в жизни Будды. Некоторые из главных городов были местами деятельности Будды и упоминаются неоднократно в истории буддизма.

Из царств должна быть особенно указана Магадха (ныне Бихар) со столицей Раджагриха (ныне Раджгир), на месте которой возник позже город Паталипутра (теперь Патна). Под властью Магадха находилась расположенная далее к востоку земля Анга с главным городом Чампа. Во времена Будды царем Магадхи был Бимбисара, или Шреника, ревностный приверженец Будды. По наущению Девадатты, двоюродного брата и изменника Будды, Бимбисара был умерщвлен своим сыном Аджаташатру, или Куника, когда Будда был уже в преклонном возрасте. Мучимый угрызениями совести, Аджаташатру явился к Будде, который простил его и принял в свою общину.

К северо-западу от Магадхи находилось царство Кошала, точнее Уттара-Кошала, «северное Кошала», с главным городом Шравасти, под властью царя Прасенаджита, а затем его сына, носившего имени Вирудака или Видудабха. Подобно Бимбисаре, Прасенаджиг был преданным поклонником Будды. С юга примыкало к Кошале царство Ватса со столицей Каушамби (к юго-зап. от нынешнего Аллахабада), под властью царя Удаяны, романическая любовная история которого с Васавадаттой (Васуладатта буддистов) пользовалась большой славой в Индии и еще в V веке нашей эры передавалась сельскими стариками в Аванти. Еще южнее лежало царство Аванти со столицей Уджаини (ныне Уджайн), родиной знаменитого поэта Калидасы, под властью царя Прадьюты, или Чанда-Прадьюты, отца Васавадатты.

Между феодальными государствами, управлявшимися республикански, особенно выдавалась конфедерация Бриджи (пали – Ваджи), обнимавшая восемь союзных государств, из коих более значительным было владение Личхависов Вайшали. С ними соседствовали роды Малла Кушинагары и Павы, и род Шакья – с главным городом Капилавасту. Патрицианскому роду Шакья принадлежал Будда, который уже в одной записи III века до Хр. называется «Мудрецом Шакья». Род Шакья признавал верховную власть царя Кошалы, но в остальном был самостоятельным. Шакья тоже причисляли себя к фамилии Кошала и вели свой род от древнего царя Икшваку, о котором много рассказывается в индийских сагах. Род этот описывается как высокомерный и очень гордящийся своим благородством, чертой характера, которая в конце концов привела его к гибели.

Родина Будды лежала на границе нынешнего Непала и английских владений, между непальскими предгорьями Гималаев и средним течением Рапти, приблизительно в 10 англ. милях к северо-востоку от Бенареса, где ныне находится Горакхпур. О размерах страны точных сведений в древних источниках не имеется. Ольденберг определяет пространство ее в 1/4 площади Бранденбургской марки, Рис Дэвиде полагает число ее жителей примерно в миллион. До нас дошло много названий местечек земли Шакья, и мы знаем, что это была богатая и цветущая страна, особенно славившаяся своими рисовыми плантациями.

Долгое время думали, что индусы в VI веке до Хр. находились под гнетом духовного и светского рабства и ждали избавителя, который и явился им в лице Будды. Но буддийские тексты говорят нам нечто иное. Всюду в Индии того времени были правильно организованные государства с мощными правителями во главе, с большими и богатыми городами, в которых процветали торговля и промышленность, и с многочисленными селениями, изобиловавшими пастбищами и скотом. Жрецы, правда, предъявляли претензии на первую роль в государстве, но господствующим классом было дворянство, воины. Резкой обособленности каст и сословий, которая установилась позже, тогда еще не было, как доказывают многочисленные примеры лиц, менявших свое призвание. Купцы вели на суше и по воде обширную торговлю, которая далеко переходила за границы Индии.

Уже в древнейшие времена, о которых имеются сведения, в эпоху Вед, в Индии процветал гетеризм. Во время Будды гетеры играли не меньшую роль, чем в Греции в эпоху Перикла. К украшениям и преимуществам большого города принадлежала «городская красавица», т. е. гетера. Она нисколько не презиралась и вращалась в высшем городском обществе. Шримати, сестра Дживаки, лейб-медика короля Аджаташатру, была гетерой, и среди буддийских монахинь упоминаются многие, бывшие ранее гетерами. Будда не нашел ничего предосудительного в приглашении его на обед гетерой Амрапали (пали – Амбапали), красавицей города Вайшали, у которой напрасно пытались откупить этот «титул» за 1.000.000 золотых молодые патриции Личхависы. Будда принял в дар от Амбапали манговую рощу и услаждал ее за это религиозными беседами. Позже она стала монахиней, и приписываемые ей в Тхеригатхе («Песни старейших») стихи относятся к лучшим в этом сборнике.

Древние и позднейшие брахманские тексты также показывают, что условия жизни в Индии того времени были весьма благоприятными. Но если многие и наслаждались полнотой жизни, то извечный вопрос о том, что происходит с человеком после смерти, волновал тогда, по-видимому, многих людей. Индус ведийской эпохи верил в жизнь после смерти, в бессмертие души. На высочайшем небе умерший наслаждался счастливой, беззаботной жизнью, свободный от телесных немощей и недостатков, в вечном свете. Тем не менее, индус все-таки предпочитал оставаться на Земле. Древний текст гласит: «Не добро покидать этот мир; ибо кто знает, будем ли мы существовать на том свете или нет». Это сомнение высказывалось и в среде самих жрецов. В конце своего знаменитого диалога, Яджнявалкья, настоящий создатель брахманизма и один из значительнейших мужей древней Индии, говорит своей жене: «По смерти нет сознания». Еще резче выражается он перед своими коллегами-жрецами: «Срубленное дерево вырастает вновь из своего корня, но из какого корня вырастет срубленный смертью человек? Не говорите «из семени», ибо оно производится только живущим. Кто раз умер, тот не родится снова». В противоречии с этим стоит другое учение, существовавшее в Индии с глубокой древности, но получившее полное свое развитие только с VIII века до Хр., – учение о переселении душ. По этому учению человек после своей смерти тотчас возрождается; от его дел на этом свете, от его «кармы» зависит, что делается с ним после смерти. «Как он жил и действовал, таким он и будет. Кто делал доброе, будет добрым существом, кто злое – злым». Смерть не приносит избавления. Жизнь есть страдание. Эта истина была высказана брахманской философией задолго до Будды. Представления о страдании и о спасении от страдания налагают свой отпечаток на всю правоверную философию индусов. Страх перед возрождением проникает все мышление той эпохи, и положить ему конец было целью, к которой стремился испытующий разум. Были предложены два пути. Одни прибегали к известным обрядам, связанным с заклинаниями и колдовством и рассчитанным на народные массы. Другие избирали путь умозрения. Уже в Ригведе мы находим песни, свидетельствующие, что вера в древних богов, во главе с Индрой, врагом демонов, пошатнулась. На место множества богов испытующая мысль старалась поставить одного Бога, и в Ригведе имеются песни, настроенные совершенно монотеистически. Но этот один Бог носит еще имя, выставяющее его богом лич-

ным: Праджапати, «Господь созданий» или Вишвакарман – «Всесоздатель». Позднейшая эпоха идет дальше. Она ставит на место многих богов одного безличного бога, называя его Атман, «Сам», «Я», или Брахман, – слово, означавшее сперва заклинание, которым полагали подчинить себе даже Богов. Брахман представлялся в виде пребывающей в вечном покое субстанции, из которой все исходит, которая всюду присутствует, к которой все возвращается. По этому учению мир есть только превращение безличного высшего существа, призрачный образ, который только кажется существующим вне Брахмана, но в действительности есть одно с ним и, как мир вообще, не существует. Когда человек это признал, он успокоился от страха перед вечным кругообращением рождений, он превратился в вечно покоящегося Брахмана, он освободился от переселения душ. Против этого учения правоверной философии, против Веданты Бадараяны, выступили другие учителя, из коих самым знаменитым был Копила, основатель философии Самкхья (Samkhya), давшей буддизму основы. Мы знаем из буддийских текстов, что одновременно с Буддой в стране подвизались еще шесть проповедников, имевших отчасти многих последователей. Один из них получил особенную известность – это Нигантха Наяпутта, церковным именем которого было Махавира, «великий герой» или Джина, «победитель», основатель секты Джайна, которая по сей день имеет многочисленных и видных последователей, особенно в среде купечества на западе и юге Индии. Учение Джина выказывает так много точек соприкосновения с учением Будды, что долгое время джайнасов считали сектой буддистов. Джина был самым опасным конкурентом Будды. По преданию джайнасов, в то время существовало не менее 363 различных философских систем, а по учению буддистов – 62 секты, которые распадались на две категории: одни учили, что существует свобода воли, ответственность за содеянное и переселение душ, или телесное возрождение; другие отрицали это. Джина и Будда принадлежали оба к первой категории. Они, следовательно, верили в переселение душ, и в стремлении положить этому конец заключалась главная задача их учения. Насколько Будда при этом стоял в зависимости от своих предшественников, мы рассмотрим далее, в изложении его учения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.